

ДЕТЕКТИВ-НОСТАЛЬГИЯ

ГЕННАДИЙ СОРОКИН

Скелет
в семейном альбоме

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С65

Сорокин, Геннадий Геннадьевич.

С65 Скелет в семейном альбоме / Геннадий Сорокин. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-109340-2

В одном из городов Сибири убита хранительница воровского общака по кличке Шахиня. Исчезла крупная сумма денег. Свидетели утверждают, что за рулем автомобиля, замеченного на месте преступления, находился известный адвокат Машковцов. Следователь Андрей Лаптев, ведущий дело, пытается разыскать Машковцова, но тот исчез. Вскоре оперативники обнаруживают трупы налетчиков, убивших Шахиню. И снова у следствия есть предположение, что к убийству причастен Машковцов. Лаптев беседует с дочерью неуловимого адвоката, и та неожиданно открывает следователю шокирующие подробности личной жизни их семьи...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109340-2

© Сорокин Г. Г., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Глава 1

ПОТЕРПЕВШИЕ

В четверг телефон, смиренно молчавший весь день, проснулся ровно в четыре часа дня. Я неприязненно посмотрел на него. В кабинете заместителя начальника городского уголовного розыска телефон может звонить с одной-единственной целью — сообщить какую-то неприятную новость. У меня порой закрадывается ощущение, что в мой телефонный аппарат вставлен специальный приборчик, который отсекает всю позитивную информацию. Позвонит приятель в конце недели с предложением попить пива — телефон ему в ответ даст длинные гудки, наберет мой номер дежурный по управлению — линия всегда свободна.

Зловредный аппарат на столе разразился новой, уже более настойчивой трелью. Надо отвечать.

Год назад министр внутренних дел СССР издал специальный приказ — как сотрудник милиции обязан представляться при ведении телефонных переговоров. По мнению министра, я, подняв трубку, должен вежливо и культурно сообщить неизвестному собеседнику: «Капитан милиции Лаптев Андрей Николаевич слушает!»

Ага, разбежался! Пускай министр сам так по телефону отвечает. Я буду более скромн.

— Да! — раздраженно бросил я в микрофон.

Позвонивший мне человек, кто бы он ни был, с первых же слов должен понять, что своим звонком он отрывает меня от важных государственных дел. Любой начальник так поступает, иначе тебе будут звонить все подряд.

— Что ты дакаешь, мать его, приказ министра не читал? — прорычала телефонная трубка голосом моего начальника Малышева. — Собирайся и давай на выезд. У нас три трупа на улице Герцена.

Я вернул аппарат на место. Мой сосед по кабинету Далайханов Айдар осторожно, чтобы не накаркать неприятности, спросил:

— У нас ЧП?

— Три трупа на улице Герцена. Собирайся, съездим, посмотрим, что к чему. Если это бытовуха, то вернемся назад, а вот если началась новая война...

— Быстро что-то для новой войны. Трех месяцев не прошло с разгрома «Борцов». Кто бы новую войну начал? В городе нет реальной силы, чтобы противостоять Лучику¹.

— Лучик с прошлой пятницы лежит в коме. К нему даже «Скорую помощь» вызывать перестали. Никто из воров уже не верит, что он сможет прийти в себя.

— Свежо предание, да верится с трудом! Его уже полгода хоронят, а он все никак помереть не может. Андрей, почему они своего жоака в больницу не положат? В тубдиспансере уход, медсестры, аппаратура для реанимации, а он все дома лежит.

— Вор в законе должен умереть среди друзей, а не в больничной палате. Ты собрался? Поехали.

---

¹ Данное произведение является продолжением книги Г. Сорокина «Письмо ни от кого».

СКЕЛЕТ В СЕМЕЙНОМ АЛЬБОМЕ

Погода на улице была отвратительная. С самого начала месяца стояли холода, а на День Победы вовсе повалил снег. Похоже, в Небесной канцелярии перепутали времена года и вместо майского тепла впустили в Сибирь арктический холод.

— Весна в этом году какая-то учебная, все никак начаться не может, — проворчал Айдар. — Уже середина мая, а ни одного теплого дня не было. Андрей, как бывший сельский житель, скажи, картошку высаживают по числам или по погоде?

Ответить я не успел. Хлопнув дверью, на крыльцо вышел дежурный эксперт-криминалист.

— Меня ждете? — нарочито бодрым голосом спросил он. — Я готов. Что обсуждали? Погоду или убийства? В эти выходные я в деревню к родственникам ездил, там все в телогрейках ходят, как в марте месяце. На первомайские праздники теща думала грядки вскопать, да куда там! Земля все еще промерзшая стоит.

Дребезжа изношенными внутренностями, к нам подъехал автомобиль дежурной части.

— На улицу Герцена, — сказал я, усаживаясь на переднее сиденье «уазика».

— Маршрут знаю, — недовольным тоном ответил водитель.

— Все-то ты знаешь, — взъелся я на ровном месте, — все-то вопросы вы уже в гараже обсудили! Чего ни коснись, у вас уже на все готов ответ. Скажи нам, Герцен кто такой был?

— Друг Ленина, — не задумываясь, ответил шофер. — Мы в школе про него изучали. Герцен ударил в колокол и разбудил Ленина. Потом они вместе революцию сделали, но рассорились, и Герцен уехал в Лондон.

Опровергать оригинальную версию водителя никто не стал, и до самого места происшествия мы ехали молча.

Улица Герцена располагалась в Машиностроительном районе. В начале семидесятых годов микрорайоны в этой части города считались благоустроенными и благополучными. Построены они были по одному типовому проекту: по краям микрорайона жилые панельные пятиэтажные дома, в центре — школа с прилегающим к ней стадионом. Детские сады располагались вокруг школы. Продовольственные и промтоварные магазины занимали первые этажи пятиэтажек. Отдельных зданий для предприятий торговли не строили. В целом все микрорайоны в Машиностроительном районе были похожи друг на друга как близнецы-братья, но каждый имел какую-то свою «изюминку»: большой гаражный массив, кинотеатр, поликлинику или детский городок.

С началом перестройки Машиностроительный район стал приходить в упадок. Оборонные заводы, на которых работала большая часть жителей района, перестали получать гарантированный госзаказ на производство вооружения, уровень зарплаты рабочих пополз вниз, о премиях за перевыполнение плана пришлось забыть. Модное словечко «конверсия» приводило заводчан в ярость: «На кой черт такая конверсия нужна, если на зарплату новые штаны купить невозможно?» Все чаще и чаще в заводских курилках вспыхивали ожесточенные споры между немногочисленными сторонниками перестройки и обычными работягами: «Засунь свою конверсию в одно место! Ее болтуны придумали, которые ничего не понимают в производстве. Легко сказать: выпускайте вместо пушек товары народного потребления! А как ты это на практике видишь? Как ты на расточном станке

СКЕЛЕТ В СЕМЕЙНОМ АЛЬБОМЕ

будешь сковородки выштамповывать? Афера эта кон-версия, по-другому не назовешь!»

Местом тройного убийства был второй подъезд давно не отремонтированного пятиэтажного дома. На крыльце и у подъездных лавочек нас ожидали сотрудники районного отдела милиции, немного в стороне от них стоял кинолог с безучастной ко всему служебно-разыскной собакой, немецкой овчаркой.

— Что, дружище, — обратился я к кинологу, — опять никого не нашли? Лужи, грязь, собака след не берет? Ни разу не помню, чтобы от ваших ищеек толк был.

Проводник служебно-разыскной собаки, молодой, недавно вернувшийся из армии парень, заступился за овчарку:

— А куда тут идти, если преступники у самого подъезда сели в поджидавший их автомобиль?

Мы с Айдаром переглянулись. Начало было насто-раживающим. Если преступники не подготовились к скрытному отходу, то это действовали или взбесивши-еся отморозки, поступки которых непредсказуемы, или дилетанты, высчитать логику которых так же непросто.

Из подъезда к нам вышел начальник уголовного ро-зыска Машиностроительного РОВД Вячеслав Серги-ец. Я знал его с начала восьмидесятых годов, когда мы вместе работали в милиции Заводского района. Опера-тивным Сергиец был отменным, и если бы не его по-стоянные залеты с выпивкой и рукоприкладством, был бы Слава большим начальником, а так, к сорока трем годам, он все еще не продвинулся дальше районного звена.

— Привет городскому начальству! — крепко пожал мне руку Сергиец. — Быстро вы примчались, как будто за углом стояли. Пойдем, перекинемся парой слов.

Мы отошли на детскую площадку напротив дома.

— Кто-то живой остался? — кивнул я в сторону отъезжающей «Скорой помощи».

— Когда налетчики ворвались в квартиру, в ней была девчонка лет двенадцати. Как я понял со слов врача, в нее один из бандитов выстрелил из пистолета, но у него произошла осечка. Андрей, наплюй на девку! Врачи ее транквилизаторами обколют, она в себя придет и все расскажет. Тут не в этом суть! Здесь какая-то чертовщина творится. Я ничего подобного в своей жизни еще не видел. Ты знаешь, кого тут завалили?

— Надеюсь, не продюсера группы «Мираж»? — мягко сыронизировал я.

— А что он плохого сделал? — искренне удивился Сергиец.

— Собрал деньги за концерт, а накануне выступления сгреб своих певичек в охапку и отбыл в неизвестном направлении. Областники стали трясти Госконцерт, а там отвечают, что московская группа «Мираж» в Сибири в этом году выступать не планировала. До сих пор никто не поймет, что за чувихи на афишах по всему городу расклеены.

— Нынешние певички все на одно лицо — поменяй местами, разницы никто не заметит.

— Слава, хрен с ними, с певичками. Ты разобрался с преступлением? Кто потерпевшие?

Сергиец, прищурившись, задумчиво посмотрел на гаражи, заполнившие пространство между школьным забором и трансформаторной будкой, неспешно достал из внутреннего кармана куртки мятую пачку «Примы», закурил.

— Слава, — подстегнул я коллегу, — ты не Станиславский, паузу не выдерживай.

СКЕЛЕТ В СЕМЕЙНОМ АЛЬБОМЕ

— Налет был совершен на квартиру гражданки Желомкиной.

— Мать его! — с досады я сплюнул под ноги. — Да лучше бы всю группу «Мираж» в этих гаражах расстреляли, проблем бы меньше было. Слава, ты не ошибся, Веронику Гавриловну завалили?

— Ее, родимую. Сходи, сам посмотри. Она на кухне вся изрезанная лежит.

— Ушам своим не верю! Не родился еще на свете псих, чтобы на Шахиню руку поднять. За Веронику Гавриловну братва без базара голову от туловища отделит. Кого еще убили?

— Племянника и соседку по подъезду. Соседку случайно грохнули. Она приоткрыла дверь, чтобы посмотреть, что этажом выше происходит, и схлопотала пулю в лоб.

— Ну и дела! — развел я руками.

— Это еще не все. — Сергиец чиркнул спичкой, прикурил. — Тут, на детской площадке, с самого утра местные алкаши кучковались, ждали, когда винно-водочный магазин откроют. К обеду они набрали денег, похмелились, стали промышлять на новый пузырь, трое пошли в гаражи поискать пустые бутылки, а один, по фамилии Грачев, остался на лавочке. У него ноги больные, с палочкой ходит. Я знаю этого Грачева, лет пять назад он у нас по краже проходил, год отсидел и вернулся. Короче, Грачев божится, что за рулем «Жигулей», на которых приехали налетчики, был адвокат Машковцов.

— Откуда он его знает? — усомнился я.

— Машковцов был у него защитником на суде. Это еще не все. Я позвонил знакомым, они подтверждают, что у Машковцова в личном пользовании был автомо-

биль «ВАЗ-2105» вишневого цвета. На точно таком же автомобиле налетчики приехали на дело.

— Где Грачев?

— Он слегка пьяненький. Я велел его в отдел отвезти. Посидит в клетке, протрезвеет, к вечеру продолжим беседу.

— Слава, пока областные боссы не приехали, обрисуй в двух словах, что удалось установить?

Сергиец щелчком отправил окурочок в гаражи, тыльной стороной кисти отер уголки губ.

— В половине четвертого к подъезду подъехала «пятёрка» вишневого цвета. Адвокат Машковцов остался за рулем, а двое его пассажиров, парни лет двадцати пяти, вошли в дом. Вернулись назад минут через десять, у одного в руках была большая спортивная сумка. Убитых трое: любопытная старушка, Шахиня и ее племянник. Денег в квартире нет. Обрез налетчики оставили на месте преступления.

Пообщавшись с местными операми, к нам подошел Далайханов.

— Я все правильно понял: у нас Шахиню завалили? — спросил он.

— Ее, голубушку, — саркастически усмехнулся Сергиец. — Прикинь, с утра была жива-здоровая, а сейчас в луже крови лежит.

— Офигеть! — Айдар сделал вид, что не услышал неуместную колкость. — Как я понимаю, денег в хате нет? Во дела! На какие шиши теперь Лучика хоронить будут?

— Он что, совсем плох? — спросил у меня Сергиец.

— При смерти. Муха ему уже место на Центральном кладбище приготовил и кусок мрамора для памятника заказал... Западло, конечно, конкретное — единственный вор в законе готовится предстать перед Создателем,

СКЕЛЕТ В СЕМЕЙНОМ АЛЬБОМЕ

а деньги на его похороны какие-то проходимцы свистнули.

— За воров не переживай, деньги они найдут. — Сергиец закурил новую сигарету, но поперхнулся дымом и отбросил ее в сторону.

— Я послал людей к адвокату, — продолжил он. — Чем черт не шутит, может быть, и вправду это он налет на Шахиню организовал.

— Слава, адвокат не мог не знать, что Шахиня являлась хранительницей воровского общака. Кто поднял на нее руку — тот покойник, а кто посмел прикоснуться к общаковским деньгам — тот покойник трижды и четырежды. Ни один человек в здравом рассудке на убийство хранительницы общака не пойдет.

— Кто-то же пошел, — логично возразил Сергиец.

— Не будем зря терять время, — предложил я. — Пока сюда не слетелись все, кому делать нечего, давайте начнем работать. К приезду областников мы должны четко представлять, чем занималась Шахиня в последние минуты жизни и как действовали преступники.

Глава 2

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Мы — я, Айдар и Сергиец — гуськом вошли в подъезд, где жила Вероника Гавриловна Желомкина. Дверь в одну из квартир на первом этаже была открыта, в прихожей виднелись следы крови. Из глубины квартиры раздавались мужские голоса. Я решил зайти внутрь, посмотреть, кто из следователей прокуратуры приехал на осмотр места происшествия.

В зале у расprostертого на полу трупа пожилой женщины на табуретках сидели двое мужчин: следователь

прокуратуры Хомутов и незнакомый судебно-медицинский эксперт. Покуривая сигарету с фильтром, эксперт диктовал: «Подвижность конечностей сохранена. Кожные покровы чистые, на ощупь теплые».

— Привет! — Я за руку поздоровался со следователем и экспертом. — Решили начать с первого этажа? Трупы на втором еще не осматривали?

— Мельком глянул, — ответил эксперт. — Тебя кто из них интересуется? Женщина? У нее пять проникающих ножевых ранений: два в живот, два в грудь и одно, полосовидное, в шею. Навскидку дело было так: женщина открыла дверь и получила два удара ножом в живот, но осталась на ногах и попыталась закрыть дверь. Преступники оттолкнули ее и ворвались в квартиру. Следующие два ранения она получила в грудь. Убийца метил в сердце, но оба раза взял ниже, и клинок ножа до сердца не достал, жировая ткань правой груди сработала как буфер. Последний удар пришелся в шею. Женщина умерла на кухне от обильной кровопотери. Из всех ранений смертельное только одно, в области сонной артерии.

— Сколько она прожила после ранений?

— Минут пять-шесть, не больше.

— Ого! Забавная ситуация: Шахиня истекает кровью на кухне, а в это время налетчики шарят по квартире. Интересно, она могла им пару слов сказать?

— Исключено, — заверил эксперт. — Рана на шее у потерпевшей глубокая, кровь из нее шла ровным стабильным потоком. Обычно такое состояние сопровождается рефлекторными действиями травмированного лица — он пытается ладонью зажать рану и остановить кровь. Но все усилия напрасны. Кровь идет, потерпевший впадает в неконтролируемую панику, хрипит, слабеет и теряет сознание. На этом активная фаза, когда

СКЕЛЕТ В СЕМЕЙНОМ АЛЬБОМЕ

человек способен членораздельно говорить, закончена. На все про все — не больше двух минут.

— Так-с. — Я наклонился к телу пожилой женщины, осмотрел рану на лбу.

— Мелкашка, — тоном знатока прокомментировал ранение следователь. — Убойная сила была невелика — пуля осталась в голове.

Оставив следователя и судмедэксперта трудиться над составлением протокола осмотра трупа, мы поднялись на второй этаж. Двухкомнатная квартира Вероники Гавриловны была с левой стороны лестничной площадки. На стене, ведущей от дверей Желомкиной вверх, кто-то выцарапал на известке крупными печатными буквами «Батон козел». В ответном послании, написанном фломастером ниже, Батон написал всего три слова, два из которых были нецензурными.

— Велик и могуч русский язык, — сказал Далайханов, показывая на стену. — Вся экспозиция в одном предложении. Тут тебе и пожелание заняться извращенным сексом, и краткая характеристика личности обидчика, и даже запятая поставлена в нужном месте!

Сергиец взглянул на переписку:

— Эти надписи — верный признак того, что в подъезде живет как минимум один подросток, к которому в гости ходят его ровесники.

— Коллеги, обобщая ваши исследования наскальной живописи, хочу высказать свое мнение: в этом подъезде давно не было ремонта, а жильцам его наплевать, как выглядят места общего пользования.

— Логично, — согласились со мной Далайханов и Сергиец.

Пустопорожние разговоры перед началом работы на месте убийства — это своеобразный ритуал, которым